

● ● ●
Константину Сергеевичу Рубинскому

И вот мы выходим к мосту над рекою
И смотрим на тёмное долгое небо
На том берегу в благодатном покое
Звонарня на церкви застыла как небыль
И вечность её снова пахнет левкоем
И мёдом и хлебом

И мы подставляем глаза под созвездья
Тот берег хранит нашу общую память
И если мы даже не вместе, мы вместе
Приходим сюда и становимся нами
Внизу под мостом что-то тяжко нас крестит
И манит и манит

Но там лишь бурлящие чёрные воды
Кричащее дно и смертельные камни
И если я вниз засмотрюсь хоть немного
И даже на миг отвернусь от звонарни
То ты обними меня нежно и строго
Не разрешай мне

Метели

Год от года льняная метель
всё летит к изголовью кровати
мягкий снег замечает постель
и меня в этом снеге не хватает
первый год на урале бело
я вбегаю в сугробы с разбегу
девятнадцать метелей прошло
и москва улыбается снегу
ветер движет мою колыбель
но чужой в ней ребёнок заплакал
двадцать первая злая метель
укрывает как саваном папу
то ли вьюга, а то ли прибой
так играют на снежной свирели
и меня накрывают собой
двадцать девять ревущих метелей
я по снегу иду налегке
и меня уже ждут вдалеке
но останутся после всех лет
белый снег белый шум белый свет

Ваганьково

Земля принимает с одиннадцати до шести
В прочее время можно здесь погулять
Лёгкий ветер в листьях прошелестит
Если хочешь—пробуешь разгадать

После двенадцатой рюмки выползет темнота
И накроет край, где никто не считает дни
Если хочешь—закрой глаза, посчитай до ста
И тогда отовсюду выйдут к тебе они

Вот тогда и расскажешь про гулкий свой бой часок
Про панельный дом, где тебя ах никто не ждёт
В этот край оградочных адресов
Ты пришёл унять под ногами лёд

Расскажи им про деньги в стылой своей горсти
Про холодную одноместку свою кровать
Как ты принимаешь всех с одиннадцати до шести
В прочее время стараешься погулять

Как дрожит в больной руке твоей карандаш
Как дрожит звезда по ночам у тебя в груди.
И тогда они скажут: «Ты тоже, ты тоже—наш.
Вот поэтому больше не приходи».

Осенняя полудница

Не надо играть было в прятки нам
На поле в сырой полутьме
Теперь она с рыжими прядками
К полудню стоит на холме

По полю её светло-рыжему
Дыханье ползёт словно дрожь
Я больше не прячусь, я слышу как
Колышется мёрзлая рожь

И небо подёрнулось инеем
И бьётся костёр вдалеке
Прости меня, слышишь, прости меня
Я лишь стебелёк в колоске

Мой пепел над полем закрутится
И скоро настанет зима
Спускайся скорее, полудница
Спускайся, спускайся с холма

Крысоловка

Говорят, что я вовсе не умирала...
...Те мальчишки, с которыми я играла,
Повзрослев, со мной оставались мало,
Обещав потом позвонить.

Полагаю, что кто-то меня и помнит,
В законном пространстве квартирных комнат
Молча курит, из дома уже не выходит,
И песочная рвётся нить.

Я играла для них на своей свирели,
А они спасли себя, повзрослели.
В опустевшем дворе дребезжат качели.
Я на окна гляжу как вор.

Нам так нравилось в тёплом песке валяться,
А теперь эти люди меня боятся
Не пускают к окнам своих домочадцев,
И опасно крестят двор.

И у тех, за кого я была в ответе,
Подрастают большие смешные дети,
Их мамы кладут засыпать при свете,
Колыбель очертивши вкруг.

Их отцы им велят повзрослеть скорее,
И в качели, свирель и песок не верить.
И не дай им Бог приближаться к двери,
Если ночью раздастся стук.

И не смей замок даже пальцем трогать.
Кто стоит за дверью? Посланник Бога?
Или странник, флейтой манящий в дорогу?
Или серая злая рать?..

Мне так мало надо, чужие дети.
И звучит за дверью на всей планете
То ли детский плач, то ли просто ветер:
«Выходи со мной поиграть...»

Ночь летнего солнцестояния

Где тело погружается в источник,
Там папоротник морщит лист железный.
Как столб в ладонь вырастает позвоночник.
И бездна пьяно обнимает бездну.
Где кости погружаются в кострище,
Там кровохлёбка жадно прорастает.
И губы бездны бездны губы ищут,
И искры в небо движутся как стаи.
Где поле ночью в сумраке исчезнет,
Там завтра жатва тропку проведёт.
И бездна шепчет сны в другую бездну
И огненная влага ей как мёд.
Застыли тени у реки в лесном обряде.
...Две грязных бездны обрывают диалог,
Хватаясь за руки, ложась в кровать и глядя
На проступающий в пространстве потолок.

Тоньо

Тоньо-лунатик лепит меня из глины.
Тёплые пальцы скользят по холодной коже.
Ветер прибрежный с запахом формалина
Новое тело дрожью слегка тревожит.

Я возникаю из-под круженья пальцев.
Я начинаюсь там, где ребро ладони.
Шарик луны обманутым самозванцем
В водах Эштараса кротко безмолвно тонет.

Глина со дна послушней, чем лунный камень.
Кожа впитала в себя тёмных вод частицы.
Но за ключицей из глиняных перекладин
Жилка живая под пальцами Тоньо стучится.

Берегом правит луна, оживляя воду.
Берегом правит луна, оживляя Тоньо.
Если на небе в кромешную непогоду
Нет вдруг луны, он как ветер прибрежный стонет

...Линия позвонков под его руками
Гибкость свою обретает и чуткий трепет.
Шарик луны неподвижно висит над нами.
Тоньо-лунатик из глины, рыдая, лепит.

● ● ●
Светлый полдень в небе над болотом.
Я лежу спиной на бревне.
Камыши лягушкой большеротой
Распевают песню обо мне.
Чувствую хребтом своим лесину.
Кожу мёртвой ветки шелохну.
Здесь гуляла радостная псина,
Лаем разгоняя тишину.
Тянется багульник над трясиной.
Никогда я дальше не умру.
Из собаки выросла осина.
Лучик в паутинке на ветру.

● ● ●
Бойся меня, о хлебе просящую.
Бойся меня, дары приносящую.
Бойся меня—взлетевшую, павшую.
Бойся меня, под вечер уставшую.
Бойся, когда я в автобусе еду.
Бойся, когда отмечаю победу.
Бойся, когда я снимаю колготки.—
Бойся, когда задыхаюсь от водки.
Бойся меня—и не сможем расстаться—
Я в одиночку устала бояться.